

Вырезка из газеты
КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

г. Москва

28 АВГ 1983

«Ринотерапия»

Беседа началась с банально-го вопроса:

— Рина Васильевна, многие считают, что «Зеленая» — ваш псевдоним. Но ведь это не так?

— И отец мой, и дед, и прадед — все были Зеленые. А вот имя мое — Екатерина. Просто когда-то оно не уместилось на афише, вот я и стала Риной.

— А когда он состоялся, ваш актерский дебют?

— Во время гражданской войны, под Царицыном. В ту пору многие наши учителя — Блюменталь-Тамарина, Певцов, например, — выступали перед красными бойцами. И нас, студийцев московской театральной школы, тоже направили на фронт. Там мы играли «Женитьбу Белугина».

— Выходит, во время Великой Отечественной войны вы были уже «обстрелянным бойцом»?

— Во всяком случае, достаточно «обстрелянной» для того, чтобы разгадывать некоторые хитрости наших сопровождающих. Вот останавливает, например, машину группа военных. Один с деланно-веселым видом что-то говорит шоферу, а остальные с не менее невинными лицами забираются к нам в кузов: якобы попутчики. Все ясно: где-то по маршруту возможна встреча с просочившимися в наш тыл вражескими автоматчиками...

Артистка порылась в папке, протянула мне записку: «Риночка! Мы с Вами встречались в мирное время и во время страшных минут войны. Теперь мы расстаемся. Надеюсь увидеть Вас в мирной обстановке во Внукове. От души желаю Вам всего самого хорошего. Ваша всей душой, Л. Орлова». И дата: 14 марта 1942 г. Эту записку Любовь Орлова написала, когда Рину Васильевну провозжали во фронтовую бригаду.

— Состав каждой бригады, путь ее следования определялись в Комитете по делам искусств. Но вот как-то раз мне позвонили домой. Решитель-

ный мужской голос стал упрекать в несправедливости: в их медсанбат ни разу не приехали артисты. «Вы что, не понимаете, что нашим раненым тоже нужна «ринотерапия?» — гудел он в трубку.

«Вот это медицинский термин!» — подумала я и принялась называть друзьям-актерам. Быстренько составила бригаду, и вскоре на присланной за нами полуторке мы уже

роны, на кораблях, подводных лодках, в общем, где только не выступали. А на батарею, которой командовал лейтенант Зубков, попасть не могли. Батарея защищала вход в Цемесскую бухту, не пропуская Новороссийску, занятому врагом, его транспорты. Ох, и бесновались же фашисты, били по батарее прямой наводкой, а она все жила!

Но однажды мы все-таки

вом... Да нет, пожалуй, словами его не выразишь. Кто был на фронте, тот сам поймет, а тем, кто не был, слова ничего не скажут...

Автограф на рейхстаге

Когда мы с Риной Васильевой договоривались об этой встрече, артистка сказала, что у нее сохранился дневник, который вела она в сорок пятом

ли ему на что попало. Больше всего в рейхстаге поражают надписи — автографы солдат. Нет ни одного места, где бы их не было. Нельзя даже представить себе, сколько порой нужно было изобретательности и смелости, чтобы забраться под самый купол или на напички окна и там оставить свою роспись. И это очень волнует. Мне удалось втиснуться между фамилиями бойца-пехотинца и матроса на одной из колонн, и я написала карандашом: Рина Зеленая.

13-е. Ездил в Дрезден. Чудовищные развалины этого прекрасного города волнуют и печалат до слез. Говорят, что все это было сделано американскими самолетами за 40-минутный налет.

29-е. Опять дорога — в артикорпус. Концерт ночью, как только приехали, потому что утром нужно скорее ехать в Берлин.

1, 2, 3, 4, 5, 6 ноября. Работаем, как ненормальные.

7-е. Был концерт для военного командования. Слушал Жуков.

18-е. В голове калейдоскоп залов, городов, концертов.

19-е. Прибыли, наконец, в Кенигсберг. Еще 52 км — и мы в своем агитпоезде. Вот она, моя обетованная полка, которая, может быть, отвезет меня домой...

...Поезд с усталыми актерами медленно движется к Москве. А на главном здании бывшей вражеской столицы остался росчерк советской актрисы Рины Зеленой. Очевидно, это справедливо, что фамилия артистки, столько дней и ночей по велению сердца проведенной в действующей армии, чтобы дарить бойцам свое вдохновение, душевным теплом излечивать их раны, стоит на колонне рейхстага рядом с автографами бойцов-победителей. И эта подпись Рины Зеленой — за многих-многих ее товарищей по искусству, тех, кто в составе фронтовых бригад, фронтовых театров и ансамблей тоже по-своему приближал Победу.

Ю. КОСТИНСКИЙ.

Рассказываем по просьбе читателей

А Р Т И С Т К А Ф Р О Н Т О В Ы Х Б Р И Г А Д

С именем народной артистки РСФСР Рины Зеленой у каждого из нас связано представление о чем-то забавном, веселом, детском. Ну, скажем, о премудрости черепахи Тортиллы из экранизации чудесной сказки А. Н. Толстого про деревянного человечка Буратино. О стихах А. Барто, которые она

так интересно читает. Но вот о том, что артистка почти всю войну провела на фронтах, что она имеет боевые награды — орден Красной Звезды, медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа» — знают немногие. И наш рассказ о Рине Зеленой будет рассказом об артистке фронтовых бригад.

мчались в сторону Можайска. Хотя нас потом в комитете разбранили за «партизанщину», мы-то знали, что сделали доброе дело.

Вообще, сколько бы ни приходилось выступать в госпиталях, медсанбатах, меня каждый раз поражало великое волшебство искусства. Раненые — изможденные болью, с осунувшимися, застывшими лицами... Но вот выступает певица, рассказывает что-то Аркадий Райкин. И глаза постепенно оживают, люди светлеют, оттаивают, на губах появляется робкая улыбка. Она все ярче, ярче — и вот уже слышен смех... Это ведь тоже лечебный процесс.

Я-то им всегда про детей рассказывала. Они послушают, послушают... «Вот и дома побывал», — говорят.

Тридцать лет спустя

— В сорок третьем году, — продолжала вспоминать Рина Васильевна, — мы работали на Черноморском флоте. Выступали на батареях береговой обо-

прорвались к ней — на машине через горы, на ура, как говорится. Сразу же решительно взялись за дело: прямо на снаряженных ящиках загримировались и дали концерт. Нам повезло: в свой «кубрик» все вернулись целехонькие и невредимые.

А потом, уже в начале семидесятых это было, пришла я на вечер участников фронтовых бригад в ЦДРИ. Кругом друзья тех далеких лет — актеры, военные. Вдруг слышу — со сцены называют знакомое имя. И человек выходит знакомый. Или я ошибаюсь? Нет, он, лейтенант Зубков. Конечно, давно уже не лейтенант, но все же — Зубков! Я скорее за кулисы. Стою и жду. А он с кем-то разговаривает. Потом увидел меня и, не договорив, подбежал, обнялись мы, всплакнули немного...

А на следующий год я получила приглашение в Геленджик на открытие музея батареи. Тут уж и Зубков приехал, и другие батарейцы. На холм, где раньше они стояли, поднимались с таким чувст-

году. И вот передо мной серая записная книжка с пожелтевшими листками. Это уже после Победы Рина Зеленая в составе большой группы артистов выступает перед советскими воинами.

«29 сентября. Кенигсберг. Дождь, солнце, снова дождь, грязь невылазная. Худенькие, бледные детишки разного возраста бродят между вагонами, у каждого в руках мисочка или бидончик. Солдаты наливают туда суп или накладывают им каши. Один вышел из вагона, говорит обеспокоенно: «А что это Эльза сегодня не приходила? Заболел что ли ребенок!»...

30-е. Ездили в город. Все разбито настолько, что нельзя представить, как это было раньше. Подъехали к старой крепости. Через решетку видно, как там работают пленные немцы. Стоило разрушить полмира, чтобы у себя в крепости сидеть за решеткой!

9 октября. Были в Берлине. В рейхстаге все разрушено. Портрет Барбароссы валялся на дороге, невольно наступа-